

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.020

УДК 94 (571.1) «18».39(091)

ББК 63.3(253.3)6

О.А. МИЛЕВСКИЙ

**НАУЧНОЕ ОТКРЫТИЕ РЕКИ:
ИЗУЧЕНИЕ КОНДЫ В НАЧАЛЕ 1900-Х ГГ.**

O.A. MILEVSKY

**SCIENTIFIC DISCOVERY OF THE RIVER:
STUDY OF THE KONDA IN THE EARLY 1900 S.**

Исследование района реки Конда первоначально осуществлялось европейскими учёными-угроведами — А. Альквистом, Г. Карьялайненом, Б. Мункачи и др. Первым из представителей российской науки эти места посетил С.К. Патканов, а продолжателями его дела являлись экспедиции начала XX в., сыгравшие ключевую роль в комплексном географо-этнографическом изучении Конды.

В статье впервые на основе широкого круга источников и с использованием нового методологического инструментария анализируется научная деятельность экспедиций на реку Конда, включающая в себя фотографирование местности, картографирование и фиксацию отдельных археологических памятников, сбор образцов почв, археологических артефактов, статистического материала о хозяйственной деятельности остяков (хантов), сведений о флоре и фауне края. На основе произведённого исследования отмечается, что в настоящее время эти данные представляют научный интерес для географов, специалистов-угроведов, этнологов, археологов, а также представителей направления экологическая история.

The study of the Konda River area was initially carried out by European scientists specializing in Finno-Ugric studies such as: A. Alquist, G. Karjalainen, B. Munkachi and others. S.K. Patkanov was the first Russian scientist to visit these places, and his work was continued by the expeditions of the early XX century, which played a key role in the complex geographical and ethnographic study of the Konda.

For the first time, the article analyzes the scientific activities of expeditions to the Konda River based on a wide range of sources and using new methodological tools, including photographing the area, mapping and fixing individual archaeological sites, collecting soil samples, archaeological artifacts, statistical material on the economic activities of the Ostyaks (Khanty), information about the flora and fauna of the region. Based on the study, it is noted that at present these data are of real scientific interest to geographers, Ugric specialists, ethnologists, archaeologists, as well as representatives of the environmental history direction.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Тобольская губерния, река Конда, остяки (ханты), география, археология, флора, фауна, Тобольский губернский музей

KEY WORDS: Tobolsk province, Kondariver, Ostyaks (Khanty), geography, archeology, flora, fauna, Tobolsk province museum

ВВЕДЕНИЕ. Река Конда — последний крупный приток Иртыша, известна русским первопроходцам с XV в [8, с. 59]. В научном плане впервые внимание на неё обратил Г. Миллер в годы проведения Великой северной экспедиции [7]. Но ещё долго эти дикие малообжитые места, в нижнем и среднем течении реки, покрытые густыми хвойными лесами, оставались в географическом плане практически неизвестными отечественной науке. Первоначально экспедиции, в основном иностранные, посещавшие эти края, ограничивались главным образом изучением традиций и обычаев автохтонного населения.

Среди путешественников, изучавших местные фино-угорские этносы, можно назвать имена А. Альквиста, Г. Карьялайнена, Б. Мункачи, К. Папая [4]. Из российских учёных, пожалуй, первым серьёзным исследователем территорий омываемых Кондой выступил

в конце XIX в. С.К. Патканов, поместивший затем в «Материалах для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири» описание Тобольского округа, к которому принадлежит и большая часть течения реки Конда [17]. Но он всё же больше проявил себя как археолог и этнограф, а реальное географическое изучение Конды началось с начала XX в.

Дело С.К. Патканова продолжили политические ссыльные, заброшенные сюда волнами Первой русской революции, а затем их инициативу по изучению Конды подхватили энтузиасты из Тобольского губернского музея. А современные учёные, ведущие различные исследования на Конде, являются своеобразными преемниками тех путешественников-первопроходцев, «открывших» эту реку для служения большой науке в начале XX в.

До сегодняшнего дня исследователи-краеведы уделяли немного внимания истории научного открытия этого района на карте Югры. Пожалуй, первой серьёзной работой, проделанной в этом направлении, стал большой очерк Л.Р. Шульца о Кондинском районе, увидевший свет в 1926 г. [26]. В дальнейшем определенные подвижки в этом вопросе произошли благодаря усилиям В.К. Белобородова, выступившего первым публикатором дневника экспедиции М.Г. Корсунского [10] и посвятившего этому событию небольшую статью [1], а также после выхода в свет в серии «Югорский репринт» всех сборников «Ежегодника Тобольского губернского музея» за 1893–1918 гг., являющегося прекрасным источником по данной теме. Фрагментарно «экспедиция Корсунского» рассматривалась в статье О.А. Милевского, посвящённой научной деятельности ссыльных по изучению Обского Севера в начале XX в [12]. Современными югорскими учёными также изучалось археологическое наследие этих экспедиций [19; 20; 21].

Однако целостная картина истории изучения Конды в начале XX в. до сих пор не написана, хотя представляется, что обращение к этой теме включает в себе немалые научные перспективы в настоящем, особенно с учётом развития таких направлений в исторической науке, как археология, этнология и экологическая история.

ЦЕЛЬЮ данной работы является реконструкция истории изучения реки Конды и прилегающих к ней земель российскими исследователями в начале XX в.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Основой служат опубликованные экспедиционные материалы М.Г. Корсунского и В.Н. Пигнатти о поездках на реку Конду, а также данные о растительном мире этой реки, подготовленные и введенные в научный оборот участником экспедиции В.Н. Пигнатти Б.Н. Городковым. Кроме того, использовался составленный Б.Н. Городковым список растений, собранных на реке Конда, с привлечением им данных, собранных ранее в окрестностях села Болчаровского сотрудником Тобольского музея П.И. Иванцовым, и гербария, сформированного в 1908 г. М.Г. Корсунским и Н.О. Рецким, а также архивные материалы и газетная периодика тех лет, освещающая эти путешествия.

При подготовке работы применялись специально-исторические методы, включая метод проблемно-хронологического анализа, позволивший рассмотреть историю вопроса в хронологической последовательности. Также при рассмотрении отдельных узловых моментов статьи, связанных в первую очередь с реконструкцией исторического контекста исследований на реке Конда, применялся метод исторической ретроспекции, который позволил наиболее достоверно воссоздать историческую реальность.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Первая русская революция привела к тому, что вновь началась отправка противников царского режима на Тобольский Север, прекращенная было в 1890-х гг. Политическая ссылка в 1905–1907 гг. количественно возросла, принимая все более массовый характер за счёт пополнения рабоче-крестьянским элементом. Это в некотором роде способствовало снижению общего интеллектуального уровня ссыльных, по сравнению с народническим этапом. Однако по-прежнему среди политссыльных, оказавшихся на Тобольском Севере, хватало людей и из образованных классов общества. Некоторые из них, верные традициям своих предшественников, проявляли немалый интерес

к изучению тех мест, куда их выслало царское правительство. Тем более, что в 1900-х гг. у ссыльных «новой волны» возможностей для изучения региона оказалось чуть больше, чем у их предшественников в 1880–1890-х гг.

Дело в том, что резкий рост числа высланных в населённые пункты Тобольского Севера привёл к тому, что власти, хотели того или нет, но вынуждены были сквозь пальцы смотреть на ослабление режима ссылки. Да и времена наступили такие, что местное начальство опасалось вступать в конфликты с политическими изгнанниками. В это время, например, в Сургутском уезде исправником служил Г.А. Пирожников, «человек тихий и робкий», предпочитавший не обострять отношений с ссыльными [23, с. 110]. В результате последние беспрепятственно занимались охотой, рыбной ловлей, могли совершать длительные отлучки за черту населённого пункта [23, с. 112], что ранее являлось нарушением режима ссылки и неминуемо влекло за собой серьёзное столкновение с местными властями.

Губернская администрация также более лояльно относилась к желанию некоторых из «государственных преступников» заниматься изучением края, ранее таковое намерение можно было реализовывать только стационарно, то есть в местах пребывания ссыльных, без отлучек за их пределы. Теперь же ситуация изменилась. Во многом эти перемены в отношении высланных были связаны со взглядами нового тобольского губернатора, вступившего в управление весной 1906 г. [2, с. 90].

Губернатор — действительный статский советник и камергер двора Николай Львович Гондатти, возглавивший этот огромный край, слыл человеком высокообразованным и сам не чуждался научных увлечений. Из его формулярного списка явствовало, что он в 1885 г. окончил курс естественно-исторического отделения физико-математического факультета Императорского Московского университета. Сферой его интересов выступали вопросы естествознания и этнографии, также он являлся действительным членом ещё нескольких научных обществ [2, с. 93–96].

Имел он знакомство и с сибирской спецификой. Ещё в 1885 г. Н.Л. Гондатти сам проехал немалую часть Тобольской губернии. Итогом этого вояжа явилась серия его научных трудов — это «Предварительный отчёт о поездке в Северо-Западную Сибирь», «Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири», «Описание одежды инородцев Северо-Западной Сибири» и ряд других [2, с. 90]. Его научная и экспедиционная деятельность получила высокую оценку — 18 января 1899 г. Императорское Русское географическое общество наградило его золотой медалью за труды по статистике и этнографии, по достоинству его научные достижения оценила и Императорская Академия наук, 26 января 1900 г. присудившая ему золотую медаль имени академика Бера [2, с. 97].

Исходя из своего опыта, Н.Л. Гондатти мог оценивать предлагаемые проекты исследований вверенной ему губернии не только как администратор, но и как серьёзный научный эксперт. Конечно, он прекрасно понимал необходимость изучения огромных и всё ещё малоисследованных пространств Тобольского Севера. Думается, осознавал он и всю пользу использования для этих нужд интеллектуального потенциала «государственных преступников» из образованных классов общества. К тому же, при этом попутно решалась и педагогико-воспитательная задача — отвлечение ссыльных революционеров от противоправных политических действий и перевод их антиправительственной активности в мирное русло.

Конечно, губернатор не в силах был откликнуться на все предлагаемые ссыльными предложения. Так, он в 1907 и 1908 гг. отклонил прошения М.Г. Корсунского о проведении экспедиции на полуостров Ямал до Обской губы и Северного Ледовитого океана [1, с. 320] и его же проект, разработанный совместно с А.Н. Агапьевым по изучению верховьев Иртыша. Вполне возможно, губернской администрации смущали исследовательские инициативы, выдвигаемые ссыльными, связанные с поездками, растянутыми по срокам, на слишком удалённые расстояния, к тому же чреватые немалыми финансовыми издержками [12, с. 74].

А вот их новая инициатива, ограниченная более локальными рамками — изучением реки Конды и её окрестностей, нашла полную поддержку губернатора, полагавшего этот проект вполне своевременным и целесообразным для нужд вверенной ему губернии. Как указывал сам М.Г. Корсунский: «От этого приёма у меня осталось очень хорошее впечатление» [10, с. 234]. А 21 июня 1908 г. пришёл и официальный документ, разрешающий поездку М.Г. Корсунскому и четверым его товарищам. В их числе оказались: Герш Бабкин, Николай Рецков, Пётр Годомин и Александр Агапьев. Всем им от имени губернатора дозволялось отправиться на реку Конду для ее обследования, для чего выданы удостоверения, а также, в виде исключения, кормовые деньги за июнь, июль и август [12, с. 74].

Пока шла бумажная волокита, участники проекта искали дополнительные средства на разрешённое уже путешествие, ведь выданных вперёд кормовых явно не хватало. В конце концов, в оснащении им помогли самаровский купец 2-й гильдии В.Ф. Соскин и ветеринарный врач, один из активных деятелей тобольского музея А.Н. Макаревский [10, с. 233–234]. В.Ф. Соскин первоначально выдал им 100 рублей на покупку предметов первой необходимости, а А.Н. Макаревский дал в долг 25 рублей. Тот же В.Ф. Соскин выделил в долг некоторые припасы: 20 пудов ржаной муки, 2 пуда сахару, 2 пуда белой муки, а также порох, дробь, чай, кофе, какао, соль и проч. [10, с. 235]. В качестве объекта передвижения выбрали лодку большого размера: 5 сажень длины вверху (10,65 м) и 4 сажени 1 аршин (9,23 м) на дне, укрепив её и обшив нижнюю часть железом. Поставили 2 мачты и подготовили паруса, к ней прицепом планировалась ещё маленькая лодочка, нагруженная экспедиционным скарбом.

17 июня экспедиция стартовала. В состав её участников в последний момент включили сургутского ссыльного Т.И. Миронова. Тимофей Иванович Миронов, агроном по образованию, слыл человеком разносторонних знаний и увлечений [12, с. 76–77], и конечно, его появление существенно усилило научный потенциал предприятия. Причём включение Т.И. Миронова произошло первоначально своевольно, сначала заручились только одобрением лояльного к ссыльным сургутского исправника Г.А. Пирожникова, а уж затем 12 июня М.Г. Корсунский написал об этом губернатору, мотивируя необходимость включения Т.И. Миронова тем, что «для несения всей предстоящей работы был необходим еще один человек» [1, с. 321]. Все сошло удачно, и кандидатура Т.И. Миронова препятствий со стороны власти не нашла.

Плавание началось непросто, пока шли по Иртышу против течения, пришлось использовать преимущественно весла, что изрядно попортило крови путешественникам. Настоящая наука началась после вхождения в Конду, что произошло 21 июня. На первых же остановках М.Г. Корсунский занялся сбором гербария и начал формировать коллекцию насекомых. Помимо этого, он вместе с Т.И. Мироновым, начиная с устья Конды, вёл топографическую съёмку местности. К сожалению, закончить съёмки по всей Конде не удалось [10, с. 316]. Помимо этого, изучалась геология берегов реки. Постоянно А.Н. Агапьевым производилось фотографирование местности. Более того, пока попадались места с русскими поселениями, участники экспедиции на фотографировании местных жителей даже заработали небольшие деньги — 3,5 рубля [10, с. 246], пополнившие очень скромный экспедиционный бюджет.

По пути следования проводились опросы населения с целью выяснения их хозяйственных занятий и проч. [10, с. 253–256]. Путешественники уделили внимание и самой реке, в частности, ими проводился промер глубин Конды на месте впадения её в Иртыш, составлялся профиль реки, определялась скорость течения [10, с. 250–251]. Наблюдая за местом впадения Конды в Иртыш и отмечая разный цвет воды этих рек — светло-серой воды Иртыша и чёрной, богатой солями воды Конды, экскурсанты отметили любопытную деталь, а именно то, что линия темной и светлой воды служит своеобразной границей рыбных угодий жителей села Реполово и кондинских остяков (хантов) [10, с. 251].

Вообще посещение остяцких юрт и наблюдение за их жизнью являлось одной из ключевых задач экспедиции. По пути следования экскурсанты последовательно посетили юрты Каменские, Алтайские, Красноярские, Байбалинские, Кельсинские, Сеглинские, Богдановские,

Чесноковские и Ермаковские. Везде они проводили сбор статистических данных, возможно, для этого использовались программы, ещё в 1890-х гг. рассылаемые политссылным, контактирующим с Западно-Сибирским Отделом Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО) и Тобольским губернским музеем. Программные вопросы группировались вокруг этнографии, экономики и хозяйственной деятельности, природных ресурсов, а также сфер традиционного права [24, с. 9].

Кроме того, из дневниковых записей М.Г. Корсунского можно установить, что им не только оценивалось и описывалось экономическое положение остяцких юрт, но при этом делались любопытные наблюдения о влиянии географии и расположения этих поселений на род занятий хантов и степень их достатка. Так, в своём дневнике он, например, отметил, что юрты Каменские одни из самых бедных на Конде. Причину этого М.Г. Корсунский усматривал в том, что из-за недостаточных сенокосов их жители держат мало скота, а их географическое расположение за областью Кондинского сора (соры — это мелководные проточные озёра) не даёт возможности в достаточном количестве пользоваться ценной рыбой, но это обстоятельство свою очередь делает каменных остяков хорошими охотниками. Они считаются одними из лучших на нижней Конде [10, с. 259]. Указывал он и на большую дикость каменных остяков, по сравнению с теми, кто живёт выше по течению реки.

На примере наиболее древних и богатых Красноярских юрт экскурсанты обратили внимание на начавшееся среди остяков имущественное расслоение: «С течением времени жажда наживы пробуждается и у них, уже появились свои кулаки, своя денежная знать, имеющая не одну тысячу рублей и не менее цепко, чем русские кулаки, держащая в своих руках и остяка и русского кортомщика (арендатор — О.М.)» [10, с. 289-290]. Подчёркивалось М.Г. Корсунским и богатство села Болчаровские юрты обильного домашним скотом и располагавшегося у прекрасного бора, изобиловавшего ягодой и дичью. Процветание ему приносило и удобное расположение, способствующее извозу — село находилось на пути в Тобольск [10, с. 289-290].

Фиксируя основные занятия остяков, среди которых главными оставались рыбная ловля, сбор брусники и охота, участники экспедиции при этом указывали, что «с каждым годом падает рыболовство, рыбы становится всё меньше, а про охоту и говорить нечего» [10, с. 269]. М.Г. Корсунский в путевом дневнике с грустью писал: «Охотничьи инстинкты остяков все падают, и лишь подальше в вершине Конды, в вогульской (мансийской — О.М.) части её, охота осталась одним из главных промыслов» [10, с. 269].

Анализ дневниковых записей М.Г. Корсунского характеризует его весьма тонким и проницательным наблюдателем. В них он совсем в духе концепции А. Тойнби «Вызов-и-Ответ» [25, с. 120, 126] отмечал такую характерную черту, присущую традиционным племенным обществам (и остяки не исключение), как отсутствие стремления к духовному прогрессу, так как изначально «жизнь в Кондинском крае не научила остяка борьбе, не заставила много думать» [10, с. 270], а это обрекает их на неминуемые трудности при столкновении с проникающей к ним цивилизацией.

М.Г. Корсунский прогнозировал им в дальнейшем возможно полное исчезновение [10, с. 271], чего, к счастью, не произошло. При этом, конечно, нельзя согласиться с его очень категоричным выводом о том, что ханты почти не имеют преданий, «вся древняя жизнь края представляется им в виде сказок о «чуди», а слово «чудь» ясно показывает, что сказки эти самые чисто русского происхождения» [10, с. 270]. Полагал он, что ханты «не выработали себе даже особого, хотя бы упрощённого культа, вогульские шаманы стали их шаманами, вогульский, а затем русский костюм — их костюмами» [10, с. 270]. Позднейшие исследования в области духовной и материальной культуры хантов полностью опровергают эти утверждения [3; 11; 14; 29].

По пути следования путешественники осуществляли и своеобразную археологическую разведку. Так, при посещении Кельсинских юрт они от остяков получили сведения о нахождении

недалеко от юрт древних могил, посещение которых, правда, не дало никаких конкретных результатов [10, с. 279]. Проводили они и небольшие археологические раскопки, в этом деле особенно преуспел Т.И. Миронов, чей «археологический нюх был прямо поразителен» [10, с. 286]. Таковые проводились в районе Болчаровских юрт [10, с. 286], в Кондинском бору в местах, где в 1892 г. копал С.К. Патканов, на берегах реки Могатки.

Проводились раскопки и около юрт Красносельских, в этих местах проводник указал новоявленным археологам городок, где по остяцким преданиями некогда жила «чудь». По прибытии на место А.Н. Агапьев снял городок, а затем сам М.Г. Корсунский нивелиром определил его высоту и профиль. Потом непосредственно начались сами раскопки, продолжавшиеся несколько часов, в конце которых «лёгкому на руку» Т.И. Миронову удалось «на северном склоне найти несколько черепков битой посуды» [10, с. 273–274]. Как отмечают современные археологи: «По сути, это было первым опытом инструментальной съёмки плана памятника на р. Конде» [21, с. 126].

Всего в ходе экспедиции её участники обследовали три городка и два могильника. В дальнейшем находки оттуда они предали в Тобольский музей [19, с. 17–19]. Следует отметить, что описание характера раскопок и особенно точное указание мест, где они проводились, очень помогли современным археологам, воспользовавшимся этими данными [21, с. 127–130].

Завершили свою поездку ссыльные в селе Реполово, где продали лишний скарб, за 20 рублей отдали кулаку лодку и, погрузившись на пароход «Барнаулец», отбыли в Тобольск. Итоги экспедиции подвёл сам М.Г. Корсунский, в списке материалов, добытых на реке, он указал, что «археологические находки и 25 экземпляров засушенных растений переданы в Тобольский музей» [1, с. 321]. Там же хранятся и журналы съёмки Конды от юрт Болчаровских до её устья. Другую часть гербария, образцы воды и почв, журнал метеонаблюдений Корсунский хотел передать в Киевский университет и политехнический институт, 60 негативов — ИРГО [12, с. 74]. Судьба их окончательно не выяснена [12, с. 74].

После экспедиции М.Г. Корсунскому не удалось опубликовать свой экспедиционный дневник. Краевед В.К. Белобородов приводил на этот счет мнение одного из ведущих в то время деятелей тобольского музея В.А. Ивановского, считавшего что «работа Корсунского в представленном виде для ежегодника музея не годилась и могла быть напечатанной лишь при условии сокращения... и серьезной правки» [12, с. 74]. Сам В.К. Белобородов, в целом соглашаясь с оценкой В.А. Ивановского, тем не менее, полагал, что этот дневник, несомненно, имеет «значение краеведческого документа» [12, с. 74].

Хотя представляется, что по прошествии более чем ста лет можно взглянуть на эту экспедицию и по-другому, с точки зрения того, чем она может помочь современной науке. Ведь в дневнике М.Г. Корсунского содержится немало интересных фактов и наблюдений о географическом положении, жизни и быте ряда остяцких юрт. Эти сведения как первоисточник представляют несомненный интерес для современных исследователей-угроведов [13, с. 69].

Ещё одним результатом научной поездки М.Г. Корсунского и его товарищей стало привлечение внимания к этому региону со стороны сотрудников Тобольского губернского музея. Ряд исследователей на основе изучения переписки между М.Г. Корсунским и В.Н. Пигнатти, в которой обсуждалась судьба рукописи М.Г. Корсунского об экскурсии на Конду¹, выдвигают вполне обоснованное предположение о том, что именно эта поездка «мотивировала В.Н. Пигнатти организовать новую экскурсию со своими коллегами из музея» [21, с. 127].

В результате летом 1910 г. под руководством консерватора музея Василия Николаевича Пигнатти состоялась повторная экспедиция на Конду. Помимо В.Н. Пигнатти, в число ее участников вошли: Б.Н. Городок, тогда студент Санкт-Петербургского университета, впоследствии известный географ и ботаник, он отвечал в экспедиции за сбор растений,

¹ Письма М. Г. Корсунского к В.Н. Пигнатти хранятся в Научном архиве Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Д. 144.

и А.Н. Уваров, ответственный за составление энтомологических и зоологических коллекций. Изначально целью этого мероприятия заявлялось «собираение этнографического и естественно-исторического материала» [19, с. 2]. Планировалось осуществлять также топографическую съемку местности, но в последний момент губернатор не отпустил в поездку чиновника Л.Р. Шульца, планировавшегося для этой цели.

На расходы путешественников комитет музея выделил 300 рублей, остальные суммы добавили А.А. Сыромятников и Е.И. Жуковский. Е.И. Жуковский, командированный Переселенческим управлением для обследования реки Носки (левый приток Иртыша южнее Конды), предложил В.Н. Пигнатти из средств, выделенных ему на обследование, внести 400 рублей в кассу музея на условиях того, чтобы были доставлены образцы почв с обследуемого района, передана ему половина гербария и собраны сведения о возможности земледелия в пройденной местности. Соглашения стороны достигли, и экспедиция получила эти деньги [19, с. 2].

В итоге общий фонд составил 750 рублей на поездку и 250 рублей ещё добавил лично А.А. Сыромятников на покупку вещей для его коллекционных нужд [19, с. 2]. Все экскурсанты согласились работать без вознаграждения. 11 июля 1910 г. эта небольшая группа энтузиастов-исследователей выехала из Тобольска на пароходе «Надежный», который вёз муку в хлебные магазины по реке Конда. Поездка началась с центра волости села Нахрачи (Кондинское). Затем экскурсировали к озеру Куртову, где традиционно местные жители сеяли рожь и овёс [19, с. 4].

Далее уже пошли по реке Конде, где по пути следования на всех остановках обязательно брались образцы почв [19, с. 4]. Совершались также пешие вылазки для осмотра местных сор и урманов. Коллеги В.Н. Пигнатти в основном занимались сбором коллекций и наблюдением за флорой и фауной реки и прибрежных районов. Сам же В.Н. Пигнатти надеялся увидеть знаменитую каменную бабу, сакральную для остяков, но все его попытки найти к ней дорогу успехом не увенчались [19, с. 5].

По достижении юрт Красноярских путешественники ознакомились с традиционным крапивным промыслом остяков, там же они произвели закупку одежды и украшений [19, с. 5]. Проводились и небольшие археологические изыскания, например, городище на протоке Пуголь напротив юрт Богдановских, отмеченное на карте В.Н. Пигнатти [21, с. 129–130], но почему-то неупомянутое в опубликованных им материалах.

Финалом экспедиции стало село Ряполовское, откуда путешественники на пароходе «Решительный» отправились в Тобольск, куда и прибыли 22 августа 1910 г. За 29 дней они прошли на лодке около 500 вёрст и пешком ещё около 100. Научным итогом поездки явилось описание Конды и её окрестностей. Помимо этого, исследователи, зная, что Конда является одной из главных рек по добыче стерляди (в среднем за лето крестьяне добывали до 60 000 штук), внимательно изучили различные способы рыбной ловли.

Большой интерес представляют этнографические наблюдения участников экспедиции. Посещали они священные рощи остяков, фиксировали насечки на деревьях, которые оставляли охотники-ханты, знакомились с хантыйскими культами, изучали освящение начала неводьбы, когда ханты кололи красного петуха, традиционное убранство могил и т. д. [19, с. 10–11].

В целом наблюдения за жизнью остяков, прозябавших в грязи, пьянстве и болезнях, приводили В.Н. Пигнатти, как и ранее М.Г. Корсунского, к неутешительным выводам: «Отрывались остяки от своей веры, от исконных обычаев, но и к чужой вере не пристали» [19, с. 12]. А далее прогноз его звучал весьма пессимистически и в целом совпадал с мыслями предшественника: «Маленькие цивилизации, неразвившиеся мировоззрения увядают, столкнувшись с отрицательной стороной нашей Европейской культуры. Так и остяк, — никогда не приспособится к новой жизни и его удел — смерть, медленное вымирание» [19, с. 14].

Итогами этой короткой, но результативной в научном плане поездки В.Н. Пигнатти поделился, прочитав 14 сентября 1910 г. доклад в здании губернского музея. Как писал «Сибирский листок» (№ 110 [16 сентября]): «Довольно обширный зал аудитории музея был

весь уставлен, вернее, украшен образцами платья, вышивок, фотографий, моделей орудий, шкурками птиц, банками с рыбами и земноводными и целым рядом образцов почв, взятых в разных местах по системе Ризположенского. Получилась очень эффектная картина, разъяснения которой были затем даны в кратком докладе В.Н. Пигнатти» [6, с. 411].

Также корреспондент «Сибирского листка» констатировал, вслед за В.Н. Пигнатти, вывод о том, что «несмотря на прекрасную растительность, богатые рыбные реки и озера, остяки вымирают, а русским туда попасть нельзя, так как это считается вотчиной остяков и остяку приходится дань платить, как выражаются те немногие русские, которые там водворились» [6, с. 412].

Овеществлённым итогом этой экскурсии оказались: образцы почв количеством 24 ящика, 125 предметов остяцкого быта, коллекция насекомых числом более 300 экземпляров, 23 шкурки птицы, да ещё 29 заспиртованных образцов, около 200 фотографий и немного вещей взятых при раскопках трёх городков [6, 411]. Большой удачей стало участие в ней Б.Н. Городкова, настоящего подвижника географии и ботаники, благодаря его усилиям удалось собрать обширный общий гербарий на 677 листах и гербарий культурных злаков на 115 листах, а также взять 5 пропилов деревьев [6, с. 411].

Но главным научным его достижением стал прекрасно подготовленный и содержащий интересные даже для сегодняшнего дня выводы и наблюдения «Очерк растительности низовьев Конды», а также составленный по всем правилам «Список растений, собранных на р. Конда». Он включает в себя 248 наименований растений на латыни с указанием их характеристик и места находки [5]. Причём в преамбуле к нему Б.Н. Городков указывал, что в список вошли не только его материалы, но и растения собранные П.И. Иванцевым в том же 1910 г. в окрестностях с. Болчаровского, кроме того «небольшой гербарий собранный в 1908 г. политическими ссыльными Корсунским и Рецким» [5, с. 35].

Кроме подготовленного на академическом уровне списка растений, Б.Н. Городков дал в своём очерке описание растительного мира Конды. Он обратил внимание на то, что растительность по берегам реки отличается от флоры иртышских берегов, что, по его мнению, зависело «как от «песчаной почвы первых и глинистой вторых, так и от того, что иртышские берега иногда заселяются растениями, занесёнными с юга» [4, с. 27]. Ввёл он в научный оборот и признаки так называемого «кондового леса» и сегодня используемые учёными [8, с. 59].

Детально Б.Н. Городков ознакомился с широко распространённым по всей Конде брусничным промыслом, служащим основным средством получения дохода для местных жителей. При этом он сделал крайне важное наблюдение, а по сути, выдвинул интересную научную гипотезу, связывающую практикуемое местными жителями выжигание огромных пространств, занятых брусникой (через 2–3 года; 6–7 лет по С.К. Патканову), для увеличения урожая ягод [4, с. 6], с изменением природного ландшафта этих мест. То есть одним из первых обратил внимание на антропогенное воздействие, напрямую влиявшее на изменение ландшафта в этих, казалось бы, ещё мало обжитых районах.

Изучая в период поездки леса Конды, Б.Н. Городков обратил внимание на часто встречающиеся сосновые боры, которые особенно обильны там, где и «производится выжигание брусничников или поблизости селений, способствующих вырубанию и тем самым осветлению почвы» [4, с. 7]. При этом, по всей Конде изначально распространены урманные леса, к ним в Тобольской губернии традиционно относили «сырые мшистые леса из елей, пихт и кедра, иногда с примесью лиственницы» [4, с. 12], на Конде их особенность заключалась в бедной флоре, с резким преобладанием пихты [4, с. 13], а в районе села Болчаровского ели [4, с. 14].

Все эти наблюдения за расположением древесного покрова Конды привели учёного к мысли о том, что именно «урманы являются конечной стадией развития растительных формаций для Конды, и вероятно, для всей лесной полосы Тобольской губ.» [4, с. 34]. «Однако, мы, видим, что боры развиты не менее, чем урманы. — Писал он далее и продолжал. — Объяснение этому можно найти только во влиянии лесных пожаров и, особенно, выжиганий

брусничников» [4, с. 34]. Таким образом, его вывод гласил: «Главной и можно сказать, единственной причиной преобладания боров над урманами является человек, который производит пожары и выжигания» [4, с. 34]. Сегодня роль антропогенного воздействия на живую природу в научном сообществе признана аксиомой, но для своего времени — эта идея применительно к малонаселённой территории Конды звучала новаторски. Стоит также отметить, тот факт, что и в последующие годы Б.Н. Городкова не оставлял интерес к флоре и фауне Конды. Так, например, он в 1912 г. подтвердил сведения о бобрах, обитающих на реке Нерех притоке в верховьях Конды. Эта информация впервые была получена в 1902 г. А.А. Дуниным-Горкавичем, купившим в этих местах шкуры двух бобров [26, с. 17]. В дальнейшем, уже в советский период, Л.Р. Шульцу удалось установить, что бобры обитали и труднодоступной для охотников части Конды «выше паула Эссуитского, в 5–6 днях пути» [26, с. 17].

ВЫВОДЫ. Экспедиции начала XX в. в район реки Конда, проводимые энтузиастами науки на очень скромные средства, тем не менее, в научном плане оказались чрезвычайно результативными.

Во-первых, они дополнили экспозицию Тобольского музея археологическими артефактами и элементами традиционной хантыйской культуры, и сегодня помогающими исследователям-угроведам.

Во-вторых, добытые участниками экспедиции М.Г. Корсунского и В.Н. Пигнатти сведения о захоронениях и местонахождении других археологических памятников [13, С. 69] уже реально помогают современным археологам. Информацию, полученную в начале XX в., югорские ученые используют как важный источник для организации полевых исследований [20; 21; 22]. Так в 2017 г. проводилась археологическая разведка по Нижней Конде, причём, по свидетельству самих её участников, «при планировании маршрутов были учтены сведения авторов конца XIX — начала XX вв. В результате нам удалось идентифицировать некоторые из описанных исследователями памятников» [21, с. 130]. Всего археологам удалось выявить 11 таких случаев, из них 4 по данным полевого дневника М.Г. Корсунского и ещё 2 по научному сообщению В.Н. Пигнатти [21, с. 129–130].

В-третьих, действительно серьёзный вклад в географическую науку внесли исследования Б.Н. Городковым растительного покрова окрестностей Конды.

В-четвертых, сбор образцов почв и описание мест, где местными жителями выращивались злаковые культуры (рожь и овёс), способствовал дальнейшему хозяйственному освоению этих мест.

И в заключении хотелось бы отметить, что развитие современной экологической истории расширяет методологический инструментарий исследований [27; 28; 29], а это в свою очередь позволяет обратиться к постановке новых научных проблем, например, по экологическим аспектам истории воды [15; 16; 27; 29; 31; 33], или по изучению отдельных больших рек (пример — проект комплексного изучения реки Миссисипи в США, инициированный Институтом истории науки имени Макса Планка [32]). А, как известно, река Конда, систематическое исследование которой началось в начале XX в., является частью огромного и все ещё полностью не изученного Обь-Иртышского бассейна, и в этом контексте материалы пионеров изучения Конды могут представлять в будущем и уже представляют немалый научный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белобородов В.К. Путешествие со скуки // Подорожник: Краеведческий альманах. Тюмень: Мандр и К, 2005. Вып. 5. С. 319–324.
2. Волошина И.О., Панова Т.А. Н. Л. Гондатти — гражданин, учёный, администратор // Архивы Урала. 2002. № 1 (7). С. 90–102.
3. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: ИИА Уро РАН, 1995. 606 с.

4. Городков Б. Очерк растительности низовьев реки Конды // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, 1913. Вып. 20. С. 1-35 (3-я паг.).
5. Городков Б. Список растений, собранных на р. Конда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, 1913. Вып. 20. С. 35-61.
6. Городская хроника // Сибирский листок: 1908-1911 / сост. В. Белобородов (при участии Б. Ю. Мандрики). Тюмень: Мандр и К, 2003. С. 410-411.
7. Известия о реке Конде из устных рассказов различных остяков и вогулов, живущих на этой реке. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. Вып. VI. С. 284-288.
8. Калинин В.М., Фролов Н.К. Конда // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: Сократ, 2000. Т. 2. С. 59.
9. Кондинский край XVI — начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2006. 388 с.
10. Корсунский М. Очерк экскурсии на Конду летом 1908 года // Подорожник: Краеведческий альманах. Тюмень: Мандр и К, 2005. Вып. 5. С. 232-318.
11. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука, 1992. 135 с.
12. Милевский О.А. Научная и культурно— просветительская деятельность политических ссыльных на Обском Севере: 1905-1917 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (69). С. 73-83.
13. Милевский О.А. Политические ссыльные конца XIX— начала XX вв. как исследователи рек Обь-Иртышского Севера // Российская наука: прошлое, настоящее, будущее. Матер. V Междун.науч.-практ.конф. посвящённой 300— летию Российской академии наук. М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2024. С. 64-70.
14. Молданов Т.А., Молданова Т.А. Очерки традиционной культуры хантов: избранное. Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. 350 с.
15. Мостовенко М.С. Между охраной и использованием: проблема охраны воды в СССР в 1960-е-1970-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 6 (87). С. 131-142.
16. Обертрайс Ю. Вода в XX столетии: трансформация ландшафта и человека в Советском Союзе, Германии, Европе и США // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (63). С. 39-51.
17. Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии: в 3-частях. Тюмень: Мандр и К, 2003. Ч. 1. 320 с.
18. Пигнатти В.Н. Отчёт консерватора Тобольского губернского музея о состоянии коллекции за 1908 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, 1910. Вып.18. С. 12-20.
19. Пигнатти В.Н. Краткое сообщение о поездке на реку Конду (Кондинская волость Тобольского уезда) летом 1910 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, 1913. Вып.20. С. 1-15 (2-я паг.).
20. Соболяникова Т.А., Кузина А.В., Мухьярова А.Р. Археологические исследования в нижнем течении р. Конды: итоги полевого сезона 2017 г. // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 4. С. 141-157.
21. Соболяникова Т.А., Кузина А.В., Мухьярова А.Р. Сведения об археологических памятниках нижней Конды в источниках конца XIX — начала XX века // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (49). С. 123-131.
22. Соболяникова Т.А., Кузина А.В. Легендарные «городки» Нижней Конды: источники по их локализации и археологический поиск (по материалам экспедиции 2018 г.) // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 755-766.
23. Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылке // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 92-117.
24. Тобольский север глазами политических ссыльных XIX — начала XX вв / сост. Л.П. Рощевская, В.К. Белобородов. Екатеринбург: Средне-Уральское книжн. изд-во, 1998. 432 с.

25. Тойнби А. Постигение истории. Избранное. М.: Рольф, 2001. 640 с.
26. Шульц Л.Р. Очерк Кондинского района. Свердловск: Тип. Уральского областного исполкома, 1926. С. 19–36.
27. Thinking Russia's History Environmentally / Ed. by Catherine Evtuhov, Julia Lajus, David Moon. New York: Berghahn Books. Oxford, 2023. 330 p.
28. Gololobov E.I. The North of Western Siberia in the Socioeconomic Space of the USSR: Shifting Models of Nature Use // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2021. № 48. Pp. 262–288.
29. Gololobov E.I. The USSR's Experience in Combating Industrial Pollution of Arctic Basin in Siberia in the Late Soviet Period (1981–1991) // *ARCTIC Journal*. 2023. № 76(4). pp. 37–44.
30. Golovnev A.V. Indigenous Leadership in Northwestern Siberia: Traditional Patterns and Their Contemporary Manifestations // *Arctic Anthropology*. 1997. Vol. 34. № 1. Pp. 149–166.
31. Maughan N., Kraikovski A., Lajus J. Living side by side: the water environment, technological control and urban culture in the Russian and Western history // *Water History*. 2018. Vol. 10. № 2–3. Pp. 133–140.
32. Mississippi. An Anthropocene River. URL: <https://www.mpiwg-berlin.mpg.de/research/projects/mississippi-anthropocene-river> (дата обращения: 21.04.2025).
33. Place and nature: essays in Russian environmental history / ed. by D. Moon, N. B. Breyfogle, A. Bekasova. Knapwell: White Horse Press, 2021. 343 p.

REFERENCES

1. Beloborodov V.K. *Puteshestvie so skuki* [Journey from boredom]. *Podorozhnik: Kraevedcheskiy al'manakh*. Tyumen': Mandri K, 2005. Vyp.5. S. 319–324. (In Russian).
2. Voloshina I.O., Panova T.A. *N.L. Gondatti — grazhdanin, ucheny`j, administrator* [Gondatti — citizen, scientist, administrator]. *Arxiv` Upala*. No 1(7). 2002. S. 90–102. (In Russian).
3. Golovnev A.V. *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg: IIA Uro RAN Publ., 1995. 606 s. (In Russian).
4. Gorodkov B. *Ocherk rastitel'nosti nizov'ev reki Kondy* [Essay on the vegetation of the lower reaches of the Konda River]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*. Tobol'sk: Printing House of the Diocesan Brotherhood, 1913. Vyp.20. S. 1–35. (3-я пар.). (In Russian).
5. Gorodkov B. *Spisok rasteniy, sobrannykh na r. Konda* [List of plants collected on the river. Konda]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*. Tobol'sk: Printing House of the Diocesan Brotherhood, 1913. Vyp.20. S. 35–61. (In Russian).
6. *Gorodskaya khronika* [City Chronicle]. *Sibirskiy listok: 1908–1911*. Comp. V. Belobordov (priuchastii B. Yu. Mandriki). Tyumen': Mandri K, 2003. S. 410–411. (In Russian).
7. *Izvestiya o reke Konde iz ustnykh rasskazov razlichnykh ostyakov i vogulov, zhivushchikh na etoy reke. 1740 g.* [News about the Konda River from oral stories of various Ostyaks and Voguls living on this river. 1740]. *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G. F. Millera. Istoriya Sibiri. Pervoistochniki*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 1996. Vyp.VI. S. 284–288. (In Russian).
8. Kalinin V.M., Frolov N.K. *Konda* [Konda]. *Yugoriya. Entsiklopediya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga*. Khanty-Mansiysk: Sokrat Publ., 2000. Vol. 2. S. 59. (In Russian).
9. *Kondinskiy kray XVI — nachala XX v. v dokumentakh, opisaniyakh, zapiskakh puteshestvennikov, vospominaniyakh* [Kondinsky region of the 16 th — early 20 th centuries. in documents, descriptions, notes of travelers, memoirs]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2006. 388 s. (In Russian).
10. Korsunskiy M. *Ocherk ekskursii na Kondu letom 1908 goda* [Essay on an excursion to Konda in the summer of 1908]. *Podorozhnik: Kraevedcheskiy al'manakh*. Tyumen': Mandri K Publ., 2005. Vyp.5. S. 232–318. (In Russian).
11. Kulemzin V.M., Lukina N.V. *Znakom'tes': Khanty* [Meet the Khanty]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 135 s. (In Russian).
12. Milevsky O.A. *Nauchnaya i kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' politicheskikh ssyl'nykh na Obkom Severe: 1905–1917 gg.* [Scientific, cultural and educational activities of political exiles in the Ob North: 1905–1917] // *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2020. No.6 (69). S. 73–83. (In Russian).

13. Milevsky O.A. *Politicheskie ssy'l'ny'e konca XIX— nachala XX vv. Kak issledovateli rek Ob'-Irty'shskogo Severa* [Political exiles of the late 19th — early 20th centuries as explorers of the Ob-Irtysh rivers of the North]. *Rossiyskaya nauka: proshloe, nastoyashhee, budushhee. Materialy` V Mezhdunarodnoj nauchno—prakticheskoy konferencii posvyashhennoj 300-letiyu Rossijskoj akademii nauk*. M.: Russian State University of Oil and Gas (National Research University) named after I.M. Gubkin, 2024. S. 64–70. (In Russian).
14. Moldanov T.A., Moldanova T.A. *Ocherkitraditsionnoy kul'tury khantov: izbrannoe* [Essays on the traditional culture of the Khanty: selected ones]. Khanty-Mansiysk: Pechatnoedelo, 2010. 350 s. (In Russian).
15. Mostovenko M.S. *Mezhd u oxranoy i ispol'zovaniem: problema oxrany` vody` v SSSR v 1960-e-1970-e gg.* [Between Protection and Use: the Problem of Water Protection in the USSR in the 1960th-1970th] // *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. S. 131–142. (In Russian).
16. Obertrays Yu. *Voda v XX stoletii: transformatsiya landshafta i cheloveka v Sovetskom Soyuze, Germanii, Evrope i SSHA* [Water in the 20th century: transformation of landscape and people in the Soviet Union, Germany, Europe and the USA] // *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2019. No. 6(63). S. 39–51. (In Russian).
17. Patkanov S.K. *Ekonomicheskiy byt gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Tobol'skogo okruga Tobol'skoy gubernii: V 3-chastyakh* [Economic life of state peasants and foreigners of the Tobolsk district of the Tobolsk province: In 3 parts]. Tyumen': Mandr i K Publ., 2003. Ch. 1. 320 s. (In Russian).
18. Pignatti V.N. *Otchet konservatora Tobol'skogo gubernskogo muzeya o sostoyanii kolleksiya 1908 g.* [Report of the conservator of the Tobolsk Provincial Museum on the state of the collection for 1908] // *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*. Tobol'sk: Printing House of the Diocesan Brotherhood, 1910. Vyp. 18. S. 12–20. (In Russian).
19. Pignatti V.N. *Kratkoe soobshchenie o poezdke na reku Kondu (Kondinskaya volost' Tobol'skogo uezda) letom 1910g.* [A short report about a trip to the Konda River (Kondinskaya volost of Tobolsk district) in the summer of 1910]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*. Tobol'sk: Printing House of the Diocesan Brotherhood, 1913. Vyp. 20. S. 1–15. (2 pagination). (In Russian).
20. Sobol'nikova T.A., Kuzina A.V., Mukh'yarova A.R. *Arkheologicheskie issledovaniya v nizhnem techenii r. Kondy: itogi polevogo sezona 2017 g.* [Archaeological research in the lower reaches of the river. Konda: results of the 2017 field season] // *Vestnik ugrovedeniya*. 2017. Vol. 7. No. 4. S. 141–157. (In Russian).
21. Sobol'nikova T.A., Kuzina A.V., Mukh'yarova A.R. *Svedeniya ob arkheologicheskikh pamyatnikakh nizhney Kondy v istochnikakh kontsa XIX — nachala XX veka* [Information about the archaeological monuments of the lower Konda in the sources of the late XIX — early XX centuries]. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017. No. 4(49). S. 123–131. (In Russian).
22. Sobol'nikova T.A., Kuzina A.V. *Legendarnye «gorodki» Nizhney Kondy: istochniki po ikh lokalizatsii i arkheologicheskii poisk (po materialam ekspeditsii 2018 g.)* [Legendary “towns” of Nizhnyaya Konda: sources for their localization and archaeological search (based on materials from the 2018 expedition)] // *Vestnik ugrovedeniya*. 2018. Vol. 8. No. 4. S. 755–766. (In Russian).
23. Surgutyanin. *Sto let Surgutskoy ssylke* [Surgut resident. One hundred years of Surgut exile]. *Katorga issylka*. 1929. No. 12. S. 92–117. (In Russian).
24. *Tobol'skij sever glazami politicheskix ssy'l'ny'x XIX— nachala XX vv* / Sost. Roshhevskaya L.P., Beloborodov V.K. [Tobolsk North through the eyes of political exiles of the 19th — early 20th centuries / Comp. Roshhevskaya L.P., Beloborodov V.K.]. Ekaterinburg: Sredne-Uralskoe book publishing house, 1998. 432 s. (In Russian).
25. Toynbi A. *Postizhenie istorii. Izbrannoe* [Comprehension of history. Favorites]. M: Rol'f Publ., 2001. 640 s. (In Russian).
26. Shul'cz L.R. *Ocherk Kondinskogo rajona* [Essay on Kondinsky District]. Sverdlovsk: Tip. Ural'skogo oblastnogo ispolkoma, 1926. S. 19–36. (In Russian).
27. *Thinking Russia's History Environmentally* / Ed. by Catherine Evtuhov, Julia Lajus, David Moon. New York: Berghahn Books. Oxford, 2023. 330 p. (In English).
28. Gololobov E.I. The North of Western Siberia in the Socioeconomic Space of the USSR: Shifting Models of Nature Use. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2021, no.48, pp. 262–288. (In English).

29. Gololobov E.I. The USSR's Experience in Combating Industrial Pollution of Arctic Basin in Siberia in the Late Soviet Period (1981–1991). *ARCTIC Journal*, 2023, no. 76(4), pp. 37–44. (In English)
30. Golovnev A.V. Indigenous Leadership in Northwestern Siberia: Traditional Patterns and Their Contemporary Manifestations. *Arctic Anthropology*, 1997, vol. 34. no. 1. pp.149–166. (In English).
31. Maughan N., Kraikovski A., Lajus J. Living side by side: the water environment, technological control and urban culture in the Russian and Western history. *Water History*, 2018, vol.10, no. 2–3, pp. 133–140. (In English).
32. *Mississippi. An Anthropocene River*. URL: <https://www.mpiwg-berlin.mpg.de/research/projects/mississippi-anthropocene-river> (accessed: 21.04.2025). (In English).
33. *Place and nature: essays in Russian environmental history*. Ed. by D. Moon, N.B. Breyfogle, A. Bekasova. Knapwell: White Horse Press, 2021. 343 p. (In English).